

НОВАТОРСТВО А.С. ПУШКИНА В ОЦЕНКЕ Н.Н. СТРАХОВА

В заметке «Нет нововведений» Н.Н. Страхов исследует природу и своеобразие новаторства Пушкина. Это только может показаться, что «нет нововведений», что он и не пробовал создавать новые литературные формы, использовал традиционные жанры: элегии, послания, сонеты, романсы, что «Евгений Онегин» имеет форму произведений Байрона, а форма «Капитанской дочки» взята из романов Вальтера Скотта, что любимый размер Пушкина – самый обыкновенный и общеупотребительный четырехстопный ямба ломоносовских од. Он даже приводит в подтверждение цитату из самого Пушкина, выделяя курсивом слова: «Нововведения опасны и, кажется, не нужны» [2, с.38].

Но на самом деле критик стремится помочь читателю ощутить именно нововведения великого поэта, то, что он ни за какой формой не признавал безусловной ценности, он был свободен от суеверного порабощения любыми формами и, как говорит Н.Н. Страхов, «вливал в них обыкновенно столько содержания, что оно, так сказать, полностью поглощало форму» [2, с.38]. В действительности он «делом и примером разрешил литературе всякие старомодности и всякие нововведения, с одним условием – чтобы они были уместны и нужны» [2, с.40]. В этом и состояли в глазах Н.Н.Страхова своеобразие и значение новаторства Пушкина.

Названия заметок «Переимчивость» и «Подражания» содержат глубокий смысл и оригинальную мысль критика. В первой из них говорится о необыкновенной чуткости и восприимчивости Пушкина в отношении всех предшествующих художественных достижений, благодаря чему «Пушкин иногда совершенно входил в их тон», но при этом «стоял выше всех предшествовавших ему поэтов» [2, с.42]. «Другое чудо, еще более удивительное, представляют подражания Пушкина народным стихам. – пишет Н.Н. Страхов. – Дух и склад народной поэзии уловлены так, что сомневаешься, действительно ли это сочинено Пушкиным, а не подслушано у народа. После этого, не прав ли был Пушкин, когда он сравнивал себя с эхом, отражающим всякий звук? Он хорошо чувствовал, что его поэтическая сила способна все обнять, везде находить себе пищу» [2, с.45]. Особенно показательно то, что «подражания» Пушкина, по словам Н.Н. Страхова, имеют «яркую своеобразность».

Две последние заметки – «Прямодушие» и «Истинная поэзия» – озаглавлены так, что обозначают именно те качества, которые Н.Н. Страхов усматривал у Пушкина. Сравнивая Пушкина с современными ему поэтами, Н.Н. Страхов говорит, что если у них форма часто занимала главное место, а забота о красоте стиха перевешивала заботу о содержании, то у Пушкина форма была лишь орудием для выражения чувства и мысли. Пушкин, пишет

Н.Н.Страхов, «был правдивейший и искреннейший из поэтов. В Пушкине наша поэзия сделалась правдою. Вот почему он стал создателем русской поэзии. Он сбросил с себя все иноземные влияния, под которыми развивалась наша литература; некоторая искусственность и изысканность, которыми она отзывалась до Пушкина, исчезли у него без следа. В поэзии стали прямо выражаться инстинкты русского сердца, стала отражаться самая русская действительность» [2, с.55].

Может показаться, что эти утверждения Страхова настолько банальны и повторяют столь избитые и общеизвестные истины, что не представляют какой-либо ценности и не могут вызвать интереса. Это глубокое заблуждение, и оно возникает лишь в том случае, если мы смотрим на страховские статьи глазами человека нашего времени. Но цитируемые «Заметки» появились в 1877 году, когда представление о Пушкине было совсем не таким, как сейчас.

В связи с этим заслуживает особого внимания позиция Д.И. Писарева в полемике о Пушкине. Д.И.Писарев был одним из кумиров тогдашней демократической литературной общественности, и его статьи, написанные эмоционально и талантливо, естественно, имели большой резонанс. Представляется необходимым хотя бы кратко охарактеризовать его статьи, в которых Писарев открыто полемизировал с Ап.Григорьевым и с Н.Н.Страховым. Именно их и их единомышленников Д.И. Писарев попрекал тем, что они поставили Пушкина на пьедестал, на который он не имеет никакого права. Самого Пушкина они именовали «так называемым великим поэтом» и литературным кумиром, который «разваливается от своей ветхости при первом прикосновении серьезной критики» [1, с.361].

«Толковать о значении Пушкина – напрасный труд, – продолжал Писарев. – Та фраза, что Пушкин завоевал русской земле поэзию, может иметь теперь только историческое значение, а для людей, которым некогда и незачем заниматься историей литературы, не имеет даже совсем никакого значения. Поэзия Пушкина – уже не поэзия, а только археологический образчик того, что считалось поэзией в старые годы. Место Пушкина – не на письменном столе современного работника, а в пыльном кабинете архивария, рядом с заржавленными латами и изломанными аркебузами» [1, с.362].

В другой статье Д.И. Писарев называл Пушкина «версификатором, самовольно надевшим себе на голову венец бессмертия, на который он не имеет никакого законного права» [1, с. 413]. «В так называемом великом поэте, – писал критик, – я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века» [1, с.415]. Особенно существенно высказанное при этом убеждение Д.И. Писарева в том, что его статьи содержат изложение не его собственной, индивидуальной точки зрения: «Приступая к этой работе, я хотел только высказать громко и открыто и подкрепить фактическими доказательствами то мнение, которое уже многие

мыслящие люди составили себе о Пушкине» [1, с.415]. Правоту этих слов Д.И.Писарева подтверждает и другой авторитетный очевидец – И.С. Тургенев. Пушкин, говорил он при открытии памятника поэту в 1880 году, «испытал охлаждение к себе современников; последующие поколения еще более удалились от него, перестали нуждаться в нем, воспитываться на нем, и только в недавнее время снова становится заметным возвращение к его поэзии» [3, с.72].

В числе людей, благодаря которым произошло и стало заметным «возвращение» внимания и любви русского общества к Пушкину, был и Н.Н.Страхов. То из написанного им, что сегодня представляется очевидным и бесспорным, вовсе не было таким, когда он писал свои «Заметки». Тогда Пушкин нуждался в защите, в разъяснении, в пропаганде его творчества, и Н.Н.Страхов стал популяризатором и защитником поэта. Он ответил на запросы своего времени и его усилия не прошли бесследно. В 1877 году, в десятом номере журнала «Нива», появилась статья Н.Н. Страхова «К портрету Пушкина».

К этому времени был уже утвержден проект памятника, который спустя три года открыли в Москве, и журнал поместил рисунок будущего памятника и написанный специально для «Нивы» портрет поэта работы художника Неймана, стоящий, как сочла редакция журнала, по своему художественному выполнению выше всех ранее опубликованных пушкинских портретов. Этот портрет и сопровождала статья Н.Н. Страхова.

Название этой статьи слабо соответствует ее содержанию. О живописных качествах портрета и особенностях его «художественного выполнения» в ней, в сущности, ничего не говорится: она содержала целостную характеристику Пушкина, каким он виделся Н.Н. Страхову, а портрет послужил лишь более или менее случайным поводом к ее публикации. Это устремление на целостность и отличает ее от «Заметок о Пушкине», каждая из которых была посвящена одной черте или жанру пушкинского творчества. Но целевая установка здесь остается прежней – это пропаганда Пушкина, намерение объяснить современникам особенности и значение Пушкина, показать его место в жизни России и в русской культуре.

Но и при такой установке в этой характеристике присутствовали – и не могли не присутствовать – определенные акценты, и именно их анализ дает возможность уяснить ее своеобразие. Это, в первую очередь, красота душевных чувств: о каких бы чувствах ни шла речь – любовь, дружба, патриотизм, религиозное умиление – мы найдем у Пушкина самую правильную форму, самый чистый образ этих чувств. Любовь у Пушкина – это «выражение страсти со всею ее силою и без всякого преувеличения», это «любовь, наполняющая тело и душу и потому соединяющая пламенное влечение с уважением, даже страхом. В такой любви не теряются между мужчиной и женщиной чисто человеческие отношения, а напротив, достигают особенно тонкого и ясного своего развития» [2, с.69]. Дружба занимает в жизни и поэзии

Пушкина такое место, как ни у какого другого поэта. «Его Лицейские годовщины и множество других стихотворений исполнены необыкновенной задушевности и показывают, как он был жаден до этих теплых отношений, и как в то же время был в них искренен и прост» [2, с.70].

Обращаясь к «отношению Пушкина к общественным делам», Н.Н.Страхов подчеркивает, «что Пушкин предсказал не только освобождение крестьян, но и самую форму, в которой произойдет это значимое событие» [2, с. 71]. «Патриотизм, – продолжает критик, – есть чувство очень сложное; он является часто в виде грубых, слепых пристрастий к своему, в виде заостренности в привычках и нравах; но он может восходить и до самой чуткой и возвышенной преданности лучшим началам своего народа. Таков был патриотизм Пушкина; слепого пристрастия в нем абсолютно не было» [2, с.73].

Человек с такими душевными качествами, какие были у Пушкина, был обречен, однако, страдать: «Вообразим же себе обыкновенные недостатки нашего общества: русское недоброжелательство, русское злословие, русское взаимное недоверие, наконец русское невежество и русский цинизм, и мы поймем, что душевных чувства Пушкина были непрерывно оскорбляемы. Не только свет наносил ему неотразимые обиды, но и в любви, в дружбе, в патриотических и религиозных чувствах он страдал от противоречия своих стремлений с тем, что находил вокруг себя» [2, с.76]. Это, в свою очередь, давало возможность понять одиночество поэта.

Две статьи, завершающие «пушкинскую» часть сборника Страхова, связаны с Ф.М. Достоевским. Первая из них «"Борис Годунов" на сцене» написана в форме трех писем к редактору «Гражданина» – Достоевскому. Вторая – «Пушкинский праздник. (Открытие памятника Пушкину в Москве)» – имеет подзаголовок «Составлено по Воспоминаниям о Ф.М.Достоевском, 1883). На первой считаем возможным подробно не останавливаться, т.к. материала о Пушкине она в сущности не содержит, если не считать аргументации тезиса, что сценическая интерпретация, содержащаяся в опере «Борис Годунов», воспроизводит трагедию Пушкина в обедненном и искаженном виде.

Вторая статья строится на собственных свидетельствах и впечатлениях критика, содержит сложившееся у него восприятие и понимание происходящего, изложение его мыслей. Н.Н.Страхов, несомненно, стремился дать в своей статье объективное и достоверное описание происходившего, опираясь исключительно на увиденное и прочувствованное. Но он не мог да, вероятно, и не пытался отказаться от субъективных акцентов, и их выявление и анализ представляют для нас не меньший интерес, чем свидетельства очевидца. Н.Н. Страхову удалось передать атмосферу происходившего в дни празднования, включающую оценки позиций и взаимоотношений представителей разных идейных лагерей. Но одна из этих оценок оказалась лейтмотивом статьи и была сформулирована уже в самом ее начале: «Можно

прямо сказать, что именно речь Достоевского дала празднику некоторое существенное содержание, и осталась после него как твердое и блестящее украшение, не улетевшее вместе с дымом этого фейерверка» [2, с.106].

Критик не обходит молчанием «литературные несогласия», которые «успели-таки сказаться на этом празднике». Он отмечает, в частности, что в то время как петербургские газеты подробно освещали все происходившее, а «Московские ведомости» обходили его полным молчанием. Участие в пушкинских торжествах этой газеты ограничилось только речью ее редактора М.Н. Каткова, «речью, после которой, как рассказывают, Тургенев тоже сделал попытку заявить свою вражду к говорившему (сам я этого не видел и не слышал» [2, с.108]. Эта скупая информация требует некоторых пояснений.

Крайняя реакционность позиций М.Н. Каткова проявлялась в том, что он выступал не только против представителей «революционного» лагеря, но и против деятелей, которые занимали умеренно-либеральные позиции. И.С.Тургенев, как известно, относился к нему поэтому с глубокой неприязнью. По-видимому, ощутив, что к 1880 г. его влияние на правящие круги и положение дел в стране ослабело, М.Н. Катков пытался заигрывать со своими оппонентами и удивил всех, произнеся на обеде 6 июня речь, выдержанную в примирительных тонах, которую закончил знаменитым призывом из «Вакхической песни»: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!».

Н.Н. Страхов явно стремился подчеркнуть свою объективность и готовность отдать должное представителям разных, можно даже сказать, противоположных направлений, объединенных преклонением перед Пушкиным, – западнику И.С. Тургеневу и славянофилу И.С. Аксакову. И.С.Тургенева, как раз тогда избранного почетным членом университета, чествовали с особым энтузиазмом, «как бы признавая его главным представителем нашей литературы, даже как бы прямым и достойным наследником Пушкина. И так как Тургенев был на празднике самым видным представителем западничества, то можно было думать, что этому литературному направлению достанется главная роль и победа в предстоящем умственном турнире. Представителем славянофильства был И.С.Аксаков; чрезвычайное уважение и расположение, которыми он пользовался, постоянно обнаруживалось в продолжение всего праздника. Около этих двух вождей группировались многие более или менее известные имена» [2, с.110].

Очень интересно и колоритно определение этих двух направлений, которое мы находим у Н.Н. Страхова. Он пишет, что «в нашей литературе существует один существенный антагонизм, а потому и одно наиболее важное подразделение: прогрессистов-подражателей и консерваторов-самобытников. Мы с нетерпением ждали, что скажут два представителя этих направлений о таком великом предмете, как Пушкин» [2, с.10]. Таким образом, Н.Н. Страхов стремился представить себя наблюдателем, не принимающим ни одной из этих точек зрения. Но вряд ли можно усомниться, что этот критический,

неприятный настрой, вызванный речью И.С. Тургенева, вполне разделяется и Н.Н.Страховым.

И вот он переходит к главному и на пушкинском празднике, и в его статье, – к речи Ф.М. Достоевского. Здесь, конечно, тоже говорится о приеме ее аудиторией, но он на втором плане. Н.Н. Страхов уже не прячет свое мнение за мнения других, а говорит от собственного имени, показывая при этом, что впечатление, произведенное Ф.М. Достоевским на него, сливалось с общим впечатлением.

Современники сохранили много воспоминаний о впечатлении, произведенном речью Ф.М. Достоевского, но, думается, описанию, оставленному Страховым, принадлежит особое место, и в немалой степени потому, что он говорит об увиденном не как свидетель, а как участник и специально подчеркивает это. Критик подчеркивает, что в отношении к речи Достоевского сошлись точки зрения обоих «подразделений». И.С. Аксаков назвал ее гениальной и сказал Ф.М. Достоевскому, что и И.С.Тургенев, представитель западников, и он сам, которого считают славянофилом, должны выразить ему величайшее сочувствие и благодарность. Ту же оценку дал ей западник П.В. Анненков, сказавший Н.Н.Страхову: «вот что значит гениальная, художественная характеристика! Она разом порешила дело!» [2, с.16]. Уже после завершения праздника, анализируя все произошедшее и услышанное, Н.Н.Страхов приходит к выводу, что обе партии были побеждены и признали себя побежденными: славянофилы признали Пушкина великим выразителем русского духа, а западники увидели, что и, превознося Пушкина, не понимали всех его достоинств.

Не будем останавливаться на завершающей статью очень интересной характеристике Ф.М.Достоевского. Отметим лишь, что автор акцентирует в ней ту «черту примиряющей симпатии», благодаря которой именно Ф.М.Достоевский «нашел формулу, которая объединила стремления западников и славянофилов, направляя их к общей цели» [2, с.124]. Спустя восемь лет после Пушкинского праздника Н.Н. Страхов приписал к своей статье еще полторы страницы, пронизанные скепсисом и разочарованием в тех надеждах, которые были им испытаны в те июньские дни 1880 года. Тогда он надеялся, что для Пушкина не скоро наступит «судьба тех бессмертных писателей, которые перепечатываются каждый год, изучаются каждым подрастающим поколением, но дух которых уже улетел от нас, уже никого не занимает и ни на кого не действует» [2, с.125].

За прошедшие годы ему пришлось убедиться, что праздник оказался «очень незначительным делом» и далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд. Общество, которое, как тогда казалось, пережило момент сплочения вокруг священного имени великого поэта, все более отходило от идеалов, провозглашенных в дни пушкинских торжеств.

Литература

1. Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т./ [ред. Ю.С. Сорокин]. – М.: Гослитиздат, 1956. – Т. 3: Статьи 1864-1865. – 1956. – 570 с.
2. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах / Н.Н. Страхов. – СПб., 1888. – 247 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / [ред. М.П. Алексеев]. – М.; Л.: Наука, 1968. – Т. 15: Сочинения. – 1968. – 640 с.

Аннотация

Ведерникова Т.В. Новаторство А.С.Пушкина в оценке Н.Н.Страхова.

В статье рассматривается новаторство подхода Н.Н. Страхова к творчеству А.С. Пушкина, проблема понимания критиком литературной ситуации и роли в ней А.С. Пушкина в период отрицания и принижения литературного наследия великого поэта. «Заметки о Пушкине» – это этюды, посвященные отдельным, в известном смысле частным вопросам творчества А.С. Пушкина, объединены общей целью – объяснить своим современникам смысл творения А.С. Пушкина и привлечь внимание к тому, что могло остаться незамеченным или недооцененным. Авторитет Пушкина в них противостоит враждебным критику тенденциям тогдашнего историко-литературного развития, его имя использовано для полемики Н.Н. Страхова с его идеологическими оппонентами.

Ключевые слова: новаторство, критические этюды, историко-литературное развитие, литературная ситуация.

Анотація

Ведернікова Т.В. Новаторство О.С.Пушкіна в оцінці М.М.Страхова.

У статті розглядається новаторство підходу М.М. Страхова до творчості О.С. Пушкіна, а також проблема розуміння критиком літературної ситуації і ролі в ній О.С.Пушкіна в період заперечення і приниження літературної спадщини великого поета. «Заметки о А.С.Пушкине» – це етюди, присвячені окремим, у відомому сенсі приватним питанням творчості О.С.Пушкіна, об'єднані загальною метою – пояснити своїм сучасникам сенс творіння О.С. Пушкіна та повернути увагу до того, що могло залишитися непоміченим або недооціненим. Авторитет Пушкіна в них протистоїть ворожим критику тенденціям тодішнього історико-літературного розвитку, а його ім'я використане для полемики М.М. Страхова з його ідеологічними опонентами.

Ключові слова: новаторство, критичні етюди, історико-літературний розвиток, літературна ситуація.

Annotation

Vedernikova T.V. The Innovation of Pushkin's Literary Heritage in N.Strakhov's

Critical Evaluation.

The article investigates the innovation of N. Strakhov's critical approach to Pushkin's creative heritage and examines the problem of understanding specific literary and polemic situation by the critic in the period of total denial and humiliation the role of the great poet. «Notes about Pushkin» are etudes, devoted to separate, in a way private questions of Pushkin's creative works, incorporated a general purpose – to explain the significance of his literary heritage to the contemporaries and to pay public attention to important facts, that could be missed or underestimated. The authority of Pushkin is opposed by Strakhov to the hostile criticism which was peculiar to the historical and literary progress of that time, the name of the great poet is used by the critic to debate with his ideological opponents.

Key words: innovation, critical etudes, historical and literary progress, polemic situation.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л.Г. Фризманом.